

стративно-политические центры. Поэтому судьбы городов, названных именем князя, оказывались различными. В период существования единого Древнерусского государства некоторые такие города воздвигались для закрепления новых территорий. Подобные города-крепости строились и в период феодальной раздробленности. Их задачей было укрепление рубежей феодальных княжеств. Другую группу городов составляют феодальные замки и домениальные города, которые строились как княжеские резиденции и центры расширения домениальных владений, при этом в XII в. прослеживается связь между появлением домениальных городов во Владимиро-Суздальском и Смоленском княжествах и стремлением княжеской власти к распространению домена в сельскохозяйственных районах. Некоторые из замков (например, южнорусские Васильев и Юрьев) разрастались и становились общекняжескими городами, другие сохраняли основную функцию княжеских замков (Ольгов, Всеволож, Данилов), причем Володарев оказался далеко от непосредственных княжеских владений (известно аналогичное положение Остерского Городца). Домениальные Юрьев и Белгород оказались тесно связанными с учрежденными епископиями, однако они не стали епископскими городами (как в Западной и Центральной Европе) вследствие зависимости древнерусской церкви от сильной княжеской власти.

Первоначальный статус многих городов установить не удастся из-за незначительного числа сведений о них (Святополч, Святославль, Ярополч, Изяславль, Ольгов (под Рязанью и в Посемье и т. д.)). Вместе с тем можно отметить почти полное отсутствие городов, названных именем князя, в Переяславском княжестве и их полное отсутствие в Новгородской земле, что объясняется слабостью в них княжеской власти, и повсеместное распространение названий городов, производных от княжеских имен, что было следствием, вероятно, их происхождения от боярских вотчин. Одинаковые по типу названий города (производные от княжеских имен) имели разные судьбы, но в этом они повторяли историю городов, происхождение названий которых было иным, как общекняжеских, так и домениальных. Установление факта существования последних особенно важно, поскольку на них не обращалось достаточного внимания в исторической литературе.

В. Ф. АНДРЕЕВ

НОВГОРОДСКИЕ ДУХОВНЫЕ XII—XV вв.

С. Н. Валк писал: «В составе письменных исторических источников эпохи новгородской самостоятельности летописи и акты являются основными их группами. В то время, когда на изучение летописей потрачено немало усилий виднейших историков и исто-

риков литературы, изучение актового материала находится еще в зачаточном состоянии. Несомненно, необходимо поставить на очередь изучение и актового материала, без которого невозможно его критическое использование».¹ Эти строки написаны более сорока лет назад, однако приходится признать, что и сейчас, несмотря на заметное оживление дипломатических исследований в 60—70-х годах, они в основном вполне соответствуют сложившемуся положению вещей. Особенно это касается изучения новгородских частных актов.

Объектом исследования в настоящей статье будет одна из разновидностей новгородских частных актов — духовные. Выбор для изучения именно духовных определяется тремя основными причинами: во-первых, богатством социально-экономического и историко-юридического содержания этих актов, во-вторых, тем, что хронологические рамки бытования духовных охватывают весь период новгородской независимости от первой трети XII до конца XV в., и, в-третьих, известной стабильностью формуляров новгородских духовных XIV—XV вв., позволяющей в полной мере применять приемы дипломатического анализа.

В дореволюционной историографии духовные интересовали главным образом историков-юристов в качестве источника по истории наследственного права.² Историки права в своих работах практически не касались вопросов социально-экономической истории, а также не изучали формуляров духовных и их изменения в пространстве и во времени. Давая оценку уровню изучения частных актов в русской историографии XIX в., С. Н. Валк отмечал, что этот уровень был довольно низким, историки брали из актов «отдельные сведения, не подвергая предварительному изучению сам акт, как исторический источник».³

Лишь в начале XX в. А. А. Шахматов выделил основные структурные части одной из групп новгородских завещаний — двинских духовных.⁴ При этом его замечания относительно двинских духовных тоже имели главным образом историко-юридический характер, к тому же исследователь не сравнивал изучаемые акты с духовными других районов Руси.

Советские исследователи неоднократно использовали духовные для воссоздания истории землевладения и хозяйства в Новгород-

¹ Валк С. Н. Древнейшие новгородские акты. — Новгородский исторический сборник, вып. 2. Л., 1937, с. 48.

² Полежаев П. В. О завещаниях. — В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Колачевым, кн. I. СПб., 1858; Никольский В. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859; Беляев П. И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897.

³ Валк С. Н. Рец. на кн.: А. С. Лаппо-Давилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920. — Книга и революция, 1920. № 2, с. 39.

⁴ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV века, ч. 1. СПб., 1903, с. 20—22.

ской земле XII—XV вв.⁵ Однако даже в интересном исследовании Н. Н. Покровского, специально посвященном актовым источникам XIV—начала XVI в., автор ограничивается несколькими беглыми замечаниями относительно формуляров изучаемых актов и практически ничего не говорит об эволюции формуляров, занимаясь в основном извлечением из текстов грамот сведений, необходимых для выяснения истории чернососного землевладения.⁶

Новгородские духовные использовались для изучения начального этапа истории древнерусского акта,⁷ а древнейшая из них, духовная Антония Римлянина, неоднократно подвергалась специальному исследованию для выяснения ее подлинности,⁸ причем в последнее время в науке как будто утвердилась точка зрения на этот акт как на подлинный, а В. Л. Янину удалось уточнить дату его составления (до 1131 г.).

Социально-экономическое содержание духовных на материале актов Северо-Восточной Руси изучал Л. В. Черепнин.⁹ Л. М. Марасинова в дипломатическом комментарии к изданным ею псков-

⁵ Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; Перельман И. Л. Новгородская деревня XV—XVI вв. — Истор. записки, 1948, т. 26; Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация. — Уч. зап. ЛГУ, 1948, т. 78; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961; Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII—начало XVI в. М.—Л., 1965; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971; Васильев Ю. С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI веков. — Матер. сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР, вып. 1. Вологда, 1976; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977.

⁶ Покровский Н. И. Актовые источники по истории чернососного землевладения XIV—начала XVI в. Новосибирск, 1973.

⁷ Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт в средневековой Руси (От Русской Правды до Псковской судной грамоты). — Вспомогат. истор. дисциплины, VI. Л., 1974; Свердлов М. В. Древнерусский акт X—XIV вв. — Там же, VIII. Л., 1976.

⁸ Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 296—299; Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. — Истор. записки, 1945, т. 17, с. 225—244; Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их дата. — Вестн. МГУ, серия история, 1966, № 3; 2) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 40—51.

⁹ Черепнин Л. В. 1) Акты конца XIV—XV в., их разновидности и значение в качестве исторического источника. — АСЭИ, т. I, с. 641—643; 2) Материалы второго тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» как исторический источник. — АСЭИ, т. II, с. 572—574; 3) Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» как исторический источник. — АСЭИ, т. III, с. 514—517.

ским актам рассмотрела формуляр псковских духовных, отметив основные отличия псковских духовных от завещаний, написанных в Новгородской земле.¹⁰

Задачей настоящей статьи является комплексное изучение новгородских духовных, что предполагает: 1) раскрытие их социально-экономического и историко-юридического содержания; 2) выяснение основных структурных частей духовных; 3) изучение отличий формуляров новгородских духовных от формуляров аналогичных актов, написанных в других районах Руси; 4) изучение эволюции формуляров новгородских духовных.

В настоящее время известны 33 новгородские духовные, из них 29 напечатаны в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова»,¹¹ 2 обнаружены в списках XVII в. в фондах ЦГАДА и опубликованы В. И. Корецким,¹² а еще 2 документа, один из которых, по мнению В. Л. Янина, является «берестяным черновиком завещания», извлечены из новгородского культурного слоя;¹³ кроме того, известны 4 берестяные грамоты, представляющие собой обрывки духовных.¹⁴

Духовные — это частные акты, которые в письменной форме фиксируют завещательные распоряжения.

В Новгородской земле периода самостоятельности интересующие нас документы назывались «рукописаньями», о чем свидетельствуют начальные и заключительные статьи грамот. В начале актов, как правило, встречаем такую формулу: «Се яз такой-то, пишу рукописание при своем животе». В конце завещаний часто писалось: «А хто сие рукописание переступит...». Одна из наиболее ранних грамот, духовная Климента (№ 105), датируемая временем не позднее 1270 г., уже в древности имела заголовок: «Рукописание». Точно так же назывались и завещания, составленные в Пскове.¹⁵

Термин «духовная грамота», несомненно, московского происхождения. Уже самые ранние завещания Северо-Восточной Руси,

¹⁰ Марасипова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966, с. 37—39.

¹¹ ГВНП, № 103, 105, 110, 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 244, 250, 256—259, 263, 265, 271, 295, 320, 328.

¹² Корецкий В. И. 1) Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря. — Археограф. ежегодник за 1957 год, М., 1958, № 7 (далее — АЕ-57, № 7); 2) Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв. — Археограф. ежегодник за 1967 год, М., 1969, № 3 (далее — АЕ-67, № 3).

¹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, № 138; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, № 519—520.

¹⁴ Арциховский А. В. 1) Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г.), № 28, 42; 2) Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг.), № 369; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.), Старая Русса, № 1.

¹⁵ Марасипова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 8, 14, 15, 35.

которые датируются рубежом XIV—XV вв., а также более поздние акты XV, XVI и XVII вв. в самом тексте именуются «духовными (душевыми) грамотами».¹⁶ После присоединения Новгорода к Москве новгородские частные акты начинают писать по московскому формуляру, это, разумеется, относится и к завещаниям, которые с конца XV в. называются «духовными». Писцы XVI—XVII вв. озаглавливали списки с новгородских «рукописаний» XIV—XV вв. «списками с духовных», согласно существовавшей в их время актовой терминологии.¹⁷

Коль скоро термин «рукописание» в исторической литературе и в публикациях почти не употребляется, мы, чтобы избежать путаницы, будем пользоваться термином «духовная» или «духовная грамота», не забывая при этом, что он появляется в Новгородской земле, вероятнее всего, уже после присоединения к Москве.¹⁸

Из 33 известных нам духовных 13 сохранились в пергаменных подлинниках,¹⁹ 18 — в копиях XVI—XVIII вв.,²⁰ еще две грамоты написаны на бересте.

Большинство духовных — 20 — относится к Двине,²¹ 4 — к Обонежью,²² остальные 9 — непосредственно к Новгороду.²³

¹⁶ АСЭИ, т. I, № 11, 38, 228, 251, 253, 394, 450, 456, 472 и др.; т. II, № 87, 105, 168, 314, 357, 361, 474; АФЭХ, ч. 2, № 15, 40, 97, 127, 157, 176, 183, 204, 228, 229, 236 и др.

¹⁷ ГВНП, № 110, 111, 126, 144, 210, 234, 244, 250, 265.

¹⁸ Среди двинских грамот есть три завещания, которые написаны по формуляру, близкому к московскому, да и называются они в тексте «духовными грамотами» (№ 263, 265, 271). Составители ГВНП, не обнаружившие в них хронологических примет, позволяющих более или менее точно датировать эти духовные, отнесли их в целом к XV в. Нам представляется, что особенности формуляров этих грамот, а также упоминание в одной из них «мужей великого князя» (№ 271), в другой (№ 263) — широко известной по актам Северо-Восточной Руси формулы «куда топор ходил и коса ходила», не употреблявшейся в актах Новгородской земли, позволяют отнести эти духовные к концу XV в.

¹⁹ ГВНП, № 105, 129, 155, 169, 170, 226, 230, 239, 256, 257, 263, 320, 328.

²⁰ ГВНП, № 103, 110, 111, 120, 126, 144, 210, 217, 234, 244, 250, 258, 259, 265, 271, 295; АЕ-57, № 7; АЕ-67, № 3.

²¹ ГВНП, № 126, 129, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 239, 244, 250, 256—259, 263, 265, 271. — При этом надо иметь в виду, что духовная № 129, хотя речь в ней идет о землях в устье Двины, написана жительницей Новгорода боярыней Марфой, известной по духовной № 110.

²² ГВНП, № 295, 320, 328; АЕ-57, № 7. — Грамота № 295, где говорится о Толвуйских землях в Обонежье, несомненно, составлена в Новгороде, в Вяжищском монастыре, иноком которого являлся автор духовной Алексей.

²³ ГВНП, № 103, 105, 110, 120, 144; АЕ-67, № 3; берестяная грамота № 138. В Новгороде, по нашему мнению, была написана и берестяная духовная № 519—520. В. Л. Янин полагает, что автор этой духовной, некий Моисей, был жителем г. Порхова, поскольку среди перечисленных в акте владений фигурируют «пожня за Городищем» и другая «пожня на Глушице», а оба эти топонима имеются в Порхове. К тому же г. Порхов расположен в 15—18 км от одних владений Моисея в Шелонской пятине и примерно в 100 км от других. Однако нам представляется, что только

Формуляр новгородских духовных состоит из пяти клаузул: 1) посвящение богу (*invocatio*); 2) имя завещателя и изложение обстоятельств, предшествовавших составлению духовной (*intitutatio + arenga*); 3) распоряжение по существу дела (*dispositio*); 4) удостоверительная часть (*corroboratio*); 5) заклятие против нарушителей воли завещателя (*sanctio*).

Первая клаузула новгородских духовных представляет собой посвящение богу, «богословие», по терминологии А. С. Лаппо-Данилевского,²⁴ или, по терминологии, применяемой в западноевропейской дипломатике, *invocatio*.

Богословие, представленное формулой «во имя отца и сына и святого духа», является одной из важных частей, определяющих формуляр духовных XIII—XV вв. Эта формула встречается почти во всех духовных новгородских, псковских и Северо-Восточной Руси.²⁵ Единственным исключением (если не считать княжеских духовных) для северо-восточных актов является известная духовная Кирилла Белозерского 1427 г., которая начинается словами: «Во имя святых живоначальных Троицы»,²⁶ а это не что иное, как вариант формулы, известной по другим актам. Только с сере-

на основании этих данных нельзя категорически признать Моисея жителем Порхова. Думается, после рассмотрения всей совокупности фактов, извлеченных из духовной, более правильным будет вывод о том, что Моисей был жителем не Порхова, а Новгорода. Во-первых, мы считаем излишне категоричным утверждение В. Л. Янина, что «вблизи Новгорода нет и не было Глушицы» (Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.), с. 117). Сам В. Л. Янин знает «верховья впадающего в Волхов ручья Глушицы», расположенные в 35 км от Новгорода. Кстати, в 25 км от Новгорода есть еще одна Глушица — левый рукав Мсты, где до сих пор находятся покосы местных жителей. Во-вторых, формуляр грамоты — типично новгородский; если бы Моисей был жителем Порхова, формуляр имел бы, вероятно, какие-то черты, присущие псковским духовным. В-третьих, в духовной Моисея упоминаются в качестве душеприказчиков Василий Есифович и Максим Васильевич. Имя последнего по другим источникам неизвестно. Что же касается первого, то его имя встречается в летописи с 1405 по 1421 г. В это время Василий Есифович был тысяцким и посадником. В грамоте Моисея он упомянут без титула, т. е. духовную можно было бы датировать временем до 1395 г. (заметим, что палеографические признаки грамоты, по мнению В. Л. Янина, указывают на рубеж XIV—XV вв.). Конечно, полной уверенности, как отмечает В. Л. Янин, в тождестве Василия Есифовича и летописного персонажа нет. Тем не менее такое тождество весьма вероятно. Новгородский боярин вряд ли стал бы душеприказчиком мелкого землевладельца из Порхова, скорее он был новгородским соседом Моисея. В. Л. Янин считает, что берестяная грамота № 519—520 — это черновик завещания, привезенный для юридического оформления в Новгород и здесь случайно потерянный. Эта догадка кажется нам маловероятной. По-видимому, мы имеем здесь дело с черновиком завещания новгородца, выброшенным после оформления пергаменной духовной.

²⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пгр., 1920, с. 132.

²⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 8, 13, 15, 30, 33—35; АСЭИ, т. I, № 11, 38, 108, 228, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 472, 490, 501, 562, 612; т. II, № 87, 105, 168, 357, 361, 474; АФЭХ, ч. II, № 15.

²⁶ АСЭИ, т. II, № 314.

дины XVI в. в духовных нередко начинает употребляться цитируемая формула грамоты Кирилла Белозерского, да и вообще начальная клаузула духовных с этого времени заметно усложняется.²⁷

Из новгородских духовных «богословие» отсутствует в двух актах, и это явление вполне объяснимо. В. Л. Янин, на наш взгляд, справедливо считает причиной отсутствия формулы «во имя отца и сына и святого духа» в духовной Моисея (берестяная грамота № 519—520) то, что этот документ представляет собой недооформленный черновик завещания.²⁸ Что же касается духовной Антония Римлянина, которую мы вслед за М. Н. Тихомировым и В. Л. Яниным считаем списком с подлинного акта первой половины XII в.,²⁹ то эта грамота была написана в период возникновения древнерусского частного акта, когда еще не был выработан достаточно стабильный формуляр духовных, характерный для актов XIV—XV вв.

Вторая клаузула новгородских духовных подобно «богословию» по своей форме также постоянна для грамот XIV—XV вв. Она состоит из двух элементов: первый называет имя завещателя («се яз, раб божии такой-то»), второй указывает обстоятельства составления документа («пишу рукописание при своем животе»). Первый элемент соответствует, таким образом, *intitulatio* западноевропейских актов, второй — *agensis*. Если первый элемент второй клаузулы новгородских духовных аналогичен соответствующей части псковских и северо-восточных актов, то второй отличается от такого же элемента псковских духовных и духовных Северо-Восточной Руси.³⁰

В отличие от всех псковских духовных, называющих лишь имя завещателя, в новгородских духовных, как, впрочем, и во многих духовных Северо-Восточной Руси, употребляется с начала XV в. имя и отчество. Исключения составляют грамоты, авторами которых были монахи и женщины, в них обычно находим только имя завещателя.³¹

²⁷ АФЗХ, ч. II, № 253, 265, 274—276, 282, 330, 331, 370, 371, 393, 429.

²⁸ Янин В. Л. Комплекс берестяных грамот № 519—521. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 39; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.), с. 118.

²⁹ Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси, с. 230; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 48—51.

³⁰ В псковских духовных XIV—XV вв. второй элемент второй клаузулы выглядит так: «...отходя сего света учинил ряд своему животу» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 8, 13, 15, 30, 33—35). В духовных Северо-Восточной Руси того же времени этот элемент написан по другой форме: «... своим целым умом пишу грамоту духовную, в кого мне что взяти, кому что дати» (АСЭИ, т. I, № 11, 38, 108, 251, 394, 228, 253, 450, 456, 457, 472, 499, 562). По такой же форме написан второй элемент второй клаузулы в двинских актах № 263, 265, 271.

³¹ ГВНП, № 129, 240, 239, 244, 256, 295; АЕ-67, № 3.

Второй элемент второй клаузулы повгородских духовных показывает, что духовные в большинстве случаев составлялись непосредственно перед смертью автора завещания; об этом говорит содержащаяся в ряде актов формула «отходя сего света» (№ 126, 210, 217, 239, 257, 320, 328). Следует отметить, что все грамоты, составленные жителями Новгорода (№ 110, 111, 120, 129, 144, берестяные грамоты № 42 и 519—520), имеют второй элемент второй клаузулы, написанный по указанной выше форме,³² в то время как ряд двинских духовных (№ 126, 210, 217, 230, 239, 250, 256, 257, 263, 265, 271) и две обонежские (№ 320, 328) содержат этот элемент в более разработанном виде, где, кроме фразы «пишу рукописание при своем животе», есть формулы «своим целым умом», «отходя своего живота» («отходя сего света»), «у кого ми что взяти, кому ми что дати», которые, по-видимому, заимствованы из формуляров духовных Северо-Восточной Руси XV в. Влияние формуляров актов Северо-Восточной Руси на формуляры двинских частных актов прослеживается и по другим видам грамот, например, по купчим (упоминание о пополонке, которое отсутствует в купчих, написанных на основной новгородской территории, но зато имеется практически во всех северо-восточных и двинских купчих), и свидетельствует, как нам представляется, о достаточно тесных связях Двины с Северо-Востоком, а также позволяет предположить, что колонизация Подвинья велась, вероятно, не только новгородцами, но и выходцами из Северо-Восточной Руси.

Наиболее важной и, как правило, самой большой по объему частью духовных является третья клаузула, включающая в себя распоряжение по существу дела (*dispositio* — по западноевропейской терминологии). Именно эта клаузула определяет социально-экономическое содержание завещаний.

Начинается третья клаузула обычно словами «а приказываю...» («а даю...»), за которыми следует перечисление завещаемого имущества, заканчивается же формулой «а не виноват никому ничем, разве богу душою», которая вовсе неизвестна в завещаниях, написанных в Пскове и в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., т. е. является элементом формуляра специфически новгородским.

По содержанию диспозитивной клаузулы новгородские духовные можно разделить на три группы. К первой группе относим духовные, в которых есть распоряжения относительно всего имущества завещателя, в них третья клаузула выступает в наиболее разработанном виде. Таких грамот 18.³³ Среди духовных первой

³² Отметим, что во втором элементе второй клаузулы духовных, составленных в Новгороде, употребляется глагол «писать» в прошедшем времени, в аористе («списах» — № 110, 111, 129, 295; АЕ-57, № 6; АЕ-67, № 3), тогда как в двинских и обонежских актах этот глагол употребляется в настоящем времени («пишу» — № 126, 155, 169, 170, 244, 256—259, 230, 234, 250, 263, 265, 271, 320).

³³ ГВНЦ, № 103, 105, 110, 111, 144, 230, 234, 250, 256, 257, 263, 265, 271, 295; берестяная грамота № 519—520; АЕ-57, № 7; АЕ-67, № 3.

группы можно достаточно четко различить завещания новгородских феодалов, как крупных (№ 110, 111, 144; АЕ-67, № 3), так и мелких (№ 105, 295, берестяная грамота № 519—520; АЕ-57, № 7). Кроме того, выделяются духовные двинских мелких феодалов (№ 250, 256) и крестьян (№ 226, 230, 234, 257, 263, 265, 271).

На первом месте как в духовных феодалов, так и в духовных крестьян обычно указывается земля,³⁴ что еще раз подтверждает неоднократно высказывавшуюся исследователями мысль о том, что именно обрабатываемая земля в средневековом русском обществе представляла большую ценность и была, в частности, основой могущества правящей верхушки новгородской республики. Особой показательны в этом смысле духовные бояр Остафия Опаньевича (№ 110 — 1397—1416 гг.) и Федора Остафьевича (№ 111 — 1430—1460-е гг.), по которым наследникам передаются десятки сел в различных частях новгородской земли, пожни, рыболовные и охотничьи угодья.³⁵ В духовной Мартемьяна Александровича (№ 144 — 2-я четверть XV в.) перечисляются земли «за Волоком и в Волоцкой земле, на Озерцахъ и на Дятелчах», а в завещании наследницы знаменитых новгородских бояр Мишиничей Орины (АЕ-67, № 3 — 3-я четверть XV в.) фигурируют целые волости, принадлежавшие боярыне. Земельные владения новгородских бояр, как видно из духовных, по величине были примерно равны, а иногда и превосходили земельную собственность крупных феодалов Северо-Восточной Руси и Пскова.³⁶

Более скромными выглядят владения мелких новгородских вотчинников. Так, Клименту (№ 105 — не позднее 1270 г.) принадлежали 4 села, земельное богатство Моисея (берестяная грамота № 519—520 — рубеж XIV—XV вв.) тоже было невелико: по подсчетам В. Л. Янина, оно «вряд ли превосходило 4—5 обож». ³⁷ С таким же примерно размером земельных владений встречаемся в большинстве духовных Северо-Восточной Руси и некоторых завещаниях Пскова XIV—XV вв.³⁸

Среди двинских духовных неизвестны грамоты крупных феодалов: все сохранившиеся завещания принадлежали мелким фео-

³⁴ Исключение составляют три двинские крестьянские духовные (№ 263, 265, 271), которые, как уже отмечалось, написаны по формуляру, близкому к московскому, а в московских завещаниях диспозитивная клаузула начинается чаще всего со списка должников и лишь после него даются распоряжения относительно земли.

³⁵ Владения этой боярской семьи располагались на р. Ловати, а также в Бежецкой пятине, основная же их часть локализована Ю. С. Васильевым на р. Ваге в Заволочье (Аграрная история Северо-Запада России конца XV—первой половины XVI в., с. 292—294).

³⁶ АСЭИ, т. I, № 108, 457, 501, 562, 612; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , № 33.

³⁷ Янин В. Л. Комплекс берестяных грамот № 519—521; Арцховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.), с. 117.

³⁸ АСЭИ, т. I, № 228, 251, 253, 394, 472, 486, 499; т. II, № 168, 361; Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. . . , № 7, 30.

дальним собственникам, вероятно, вышедшим из крестьянской среды, а также двинским крестьянам. Двинские духовные рисуют тот же крестьянский хозяйственный комплекс, что и купчие. В духовных двинских феодалов указывается, как правило, несколько сел, в которых живут зависимые от собственника земли люди.

Вслед за перечислением земли и другой недвижимой собственности в духовных указываются должники и кредиторы завещателя.

На третьем месте в диспозитивной клаузуле новгородских духовных (это касается только духовных богатых бояр) встречается перечисление «челяди неотхожей» (№ 103, 110, 111, 144).

В третьей клаузуле духовных часто не просто перечислены завещаемые владения, но и указаны способы их приобретения. В большинстве случаев земельные угодья оказываются полученными завещателем по наследству («отчина и дедина моя», «купля отца (деда) моего»), иногда передаваемые по духовной владения являются куплей самого завещателя (№ 103, 217, 230, 256), встречаются земли, полученные по семейному разделу (№ 144, 244, 295), в подарок (№ 144), обмененные (№ 111) и т. д.

Известен интересный факт, на который исследователи почему-то не обращают должного внимания: в духовной Остафия Онаньевича (№ 110) указываются земли, «пожалованные» отцу Остафия Онаньевича и ему самому Новгородом. Пожалование сопровождалось выдачей особой грамоты, вероятно, подобной жалованной грамоте Новгорода Соловецкому монастырю (№ 96). В духовной лаконично отмечено, что Новгород «дал грамоту на Валжане», нам кажется, что здесь речь идет о землях на р. Ваге, которые занимали огромную территорию; именно они стали основой важских владений бояр. Представление о величине новгородского пожалования дает тот факт, что четвертая часть этих владений была куплена посадником Александром за 120 руб., т. е. стоимость пожалованных владений выражалась огромной по тем временам суммой примерно в 500 руб., которая является самой большой из известных нам по источникам XIV—XV вв. стоимости земельных владений.

В конце диспозитивной клаузулы новгородских духовных, как правило, завещатель назначает душеприказчиков, которые избирались из числа наиболее влиятельных родственников и соседей. Так, в числе душеприказчиков Остафий Онаньевич (№ 110) называет двух посадников, его сын Федор Остафьевич — четырех посадников и тысяцкого, в духовной Моисея (берестяная грамота № 519—520) один из душеприказчиков, Василий Есифович, возможно, будущий посадник.

Третья клаузула новгородских духовных дает богатый материал по наследственному праву XIV—XV вв. Среди наследников в основном близкие родственники завещателя: жена (№ 110, 111, 144, 230, 250, 256, берестяная грамота № 519—520), дети (№ 110,

111, 144, 230, 250, 256, 263, берестяная грамота № 519—520), брат (№ 263, 265), мать (№ 110, 257). Известны случаи упоминания в качестве наследников племянников (№ 239, 256) и крестника (№ 256). В случае отсутствия близких родственников наследство могло быть передано в руки дальних родственников или даже людей, не состоявших в родстве с завещателем (№ 105; АЕ-57, № 3).

Супруг завещателя получает права на владение наследством лишь «до своего живота: или до нового брака, после смерти же или вступления в новый брак унаследованное им имущество, по всей видимости, должно было вернуться в род завещателя. Такой порядок наследования после умершего супруга устанавливает Псковская судная грамота.³⁹

Ко второй группе духовных по диспозитивной клаузуле относим духовные-данные, где речь идет о передаче земли, денег, имущества какому-либо монастырю либо церкви.⁴⁰ Написаны эти акты по обычному формуляру духовных, только третья клаузула значительно меньше по объему, чем у духовных первой группы, поскольку в завещаниях второй группы нет распоряжений относительно всего имущества завещателя, а говорится только о той его части, которая передается монастырю (церкви). Такие духовные-данные представляли, по-видимому, выписку из полного завещания, которое оставалось у наследников, делались они для архива церкви (монастыря) и служили в качестве документа, подтверждающего право владения землей. Это предположение подтверждается сведениями одной из духовных второй группы (№ 259), именующей себя в тексте «рукописанием с большого рукописания».

В значительной части интересующих нас документов встречаем указание, что вклад делается «по душе», «в поминание» дарителя и его родственников.⁴¹ Смысл такого вклада хорошо разъяснен В. О. Ключевским. По его весьма образному выражению, «древнерусскому человеку вообразить себя на том свете без казненного поминовения было так же страшно, как ребенку остаться без матери в незнакомом, пустынном месте».⁴² Объясняя происхождение обычая делать вклады «по душе», В. О. Ключевский писал, что «они входили в состав довольно сложной системы

³⁹ Ст. 88: «А у которого человека помрет жена без рукописания, а у ней останется отчина, ино мужу ея владети до своего живота, только не женится, а оженится ино корми ему нет». Ст. 89: «А у которой жены муж помрет без рукописания и останется отчина или живот, — ино жена его кормится до своего живота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет» (ПРП, вып. 2, с. 297).

⁴⁰ ГВНЦ, № 120, 126, 129, 155, 169, 170, 210, 217, 239, 244, 258, 259, 320, 328.

⁴¹ ГВНЦ, № 114, 119, 120, 148, 169—171, 176, 217, 244, 258, 259, 281, 282, 298, 307, 312; АЕ-57; № 1—3, 5.

⁴² Ключевский В. О. Сочинения, т. II. М., 1957, с. 268.

строения души, выработанной древнерусской набожностью, точнее, древнерусским духовенством. Строить душу значило обеспечить человеку молитву церкви о его грехах, о спасении его души... возможность молитвы о душе умерших, не успевших принести плоды покаяния, приободрило к мысли, что и нет нужды спешить с этим делом, что на все есть свое время. Сострадательная заботливость церкви о неуспевших позаботиться о себе послужило... поводом к мнению, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь бы были средства нанять ее и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерскими такой молитвы были признаны монастыри. Средством для найма монастырской молитвы и служили вклады ради спасения души». ⁴³

Как правило, вклады «по душе» делались незадолго до смерти и оформлялись в виде духовной-данной. Но были люди, которые заботились о посмертной молитве за свою душу заблаговременно, тогда вклад оформлялся в виде обычной данной.

Другим видом вклада, известным по новгородским духовным-данным, был вклад для пострижения. В. О. Ключевский писал: «Таким взносом как бы обеспечивалось пожизненное содержание постриженника в монастыре. Этот источник (обогащения монастырей. — В. А.) расширялся по мере того, как в древнерусском обществе укреплялся обычай постригаться под старость или перед смертью: думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься от мира хотя бы на несколько минут раньше, чем сама природа закроет человеку глаза на этот мир». ⁴⁴

В средневековой Руси монастыри выполняли, кроме своих религиозных функций, функции приютов для престарелых. В городах и в сельской местности существовали построенные на деньги горожан или крестьян монастыри-богадельни. Примером такого монастыря, принадлежавшего крестьянской волости, был Николаевский Чухченемский монастырь близ Холмогор, об основании и устройстве которого говорится в царской грамоте 1582 г., выданной в ответ на челобитье крестьян. Крестьяне рассказывали, говорится в грамоте, что в их волости имеется убогий монастырь с двумя церквями, «и к тому-де монастырю четырнадцать деревенек: в их, Чухченемской волости одиннадцать деревень, а в Ровдогорской волости три деревни; а поставили-де те церкви и монастырь строили из тех волостей, а те-де деревни к тому монастырку поддуцали и прикупали прадеды и деды и отцы их и прочили-де себе и своим детям и внучатам на постриганье и на поминок; и монастырем-де церковною казною и теме деревнями владели они ж, и казну монастырскую у себя в волости держали». ⁴⁵

Среди новгородских духовных-данных сохранился комплекс актов, авторами которых были двинские крестьяне, передававшие

⁴³ Там же, с. 266—267.

⁴⁴ Там же, с. 269.

⁴⁵ АИ, т. I, № 211, с. 403.

свои участки, «полоски», пожни и промысловые угодыя Чухченемскому монастырю.⁴⁶ Многие из этих грамот написаны иноками монастыря и представляют вклад «на пострижение».⁴⁷

Пострижение за вклад, безусловно, было обычным делом для престарелого новгородца. Это явствует, например, из известной духовной Климента (№ 105), где завещатель, выделяя долю из своего наследства жене, пишет: «А жена моя пострижется въ чернице, есть ей чимъ ся пострици, и дворъ городьскыи ей ж даю. А про се кланяюся игумену и всеи братье: а жена моя пострижется въ чернице, то выдаите ей четверть, отъ не будетъ годлна». Последняя фраза, между прочим, говорит еще и о том, что далеко не все новгородские монастыри существовали на общежитейском уставе, зачастую каждый инок жил в особой келье и имел свой стол. Такое положение, по-видимому, сохранялось в течение всего периода новгородской самостоятельности, поскольку новгородский летописец, говоря о монастырской реформе архиепископа Макария, который в 1528 г. перевел все новгородские монастыри на общежитейский устав, счел нужным сделать пояснение: «А прежде до сего токмо велиции монастыри во общины быша и по чипу; а прочие монастыри, иже окрест города, особъ живущи, и койждо себе в келиях ядыху; и всякими житейскими печалми одержими бяху; а в лутших монастырех шесть черньцов, или седмь, а в прочих два или три».⁴⁸

Такие монастыри создавались боярами, группами бояр-землевладельцев. Сохранилась духовная-данная новгородской боярыни Марфы начала XV в. (№ 129), которая «поставила церковь храмъ святаго Николы в Корельскомъ» и основала монастырь, который перед смертью «приказала» своему деверю. Таким образом, помимо княжеских и общинных монастырей, существовали обители, ктиторами которых были бояре. По-видимому, такими монастырями первоначально являлись Палеостровский монастырь, владчиками которого были «скотиики и помужники Толвуйской земли» новгородские бояре Андрей Иванович, Дмитрий Васильевич и другие, составившие данную № 90, а также Спасский Верендовский монастырь, получивший значительные земельные владения от «спинских сябров» новгородских бояр Григория, Кирилла Андреевича и других по данным № 107 и 109. Некоторые новгородские бояре основывали монастыри, давали им села и становились их настоятелями: Олекса Михайлович в конце XII в. основал Хутынский монастырь, став его игуменом, выделил из своих владений села для монастыря (по данной № 104), а после смерти был причислен к лику святых под именем Варлаама Хутынского. Еще один новгородский боярин, причисленный к лику святых, Варлаам Важеский, был в миру посадником Василием Степановичем, основав-

⁴⁶ ГВНЦ, № 167, 169—171, 176, 224—226, 239.

⁴⁷ ГВНЦ, № 167, 170, 171, 225, 226, 239.

⁴⁸ ПСРЛ, т. VI, с. 284.

шим Богословский Важский монастырь и подаривший обители ряд сел (по данной № 280).

Однако не только религиозные мотивы побуждали новгородцев дарить земли монастырям и церквям. Помимо предсмертного пострижения и посмертного поминания, по замечанию А. А. Савича, «жертвователю-вкладчику мог рассчитывать на материальную поддержку монастыря в черный день». ⁴⁹ Пример этому содержится в духовной № 294, в которой чернец Алексей Фатьянов передает свою «Толвуйскую вотчину» Вяжищскому монастырю с условием владеть ею «до своего живота», «а где будеть какова христианина или на землю окупить или помочи чимъ ни буди а то игумену Якиму и всеи братье с Олексеем сопча. А где будеть о той земли или о христианине каково слово обидное, ино нмъ стоять съ единого».

В некоторых случаях вкладчики вынуждены «дарить» землю монастырю, который был их кредитором. Примером такого «дарения» является духовная Климента (№ 105), который, не сумев выплатить Юрьеву монастырю долг в 20 гривен, дает «два села с обильем». Подобные случаи нередко встречаются в грамотах Северо-Восточной Руси. ⁵⁰

К третьей группе относим *dispositio* берестяной грамоты № 138 (XIII в.). Весь формуляр грамоты состоит только из двух клаузул:

1. Се язю, рабо божи Селивестро, написах рукописание.
2. У Лоунька полтина. О у Захарьи полтина и т. д. (перечисляются 12 должников).

Думается, прав Л. В. Черепнин, считающий эту грамоту завещанием. Он совершенно справедливо расценивает «берестяное рукописание» № 138 как «ранее неизвестную и лишь упоминавшуюся Псковской судной грамотой разновидность духовных завещаний». ⁵¹ Автор имеет в виду ст. 14 Псковской судной грамоты, которую трактует таким образом, что «главным доказательством прав умершего, которым должны пользоваться душеприказчики, Псковская судная грамота признает письменное распоряжение покойного («рукописание»)». ⁵²

В качестве гипотезы можно высказать мысль, что на раннем этапе новгородской истории, в XII—XIII вв., наряду с пергаменными духовными, которые были редки и составлялись, вероятно, лишь в случае отсутствия прямых наследников земельных владений, существовали гораздо более многочисленные берестяные акты, которые содержали только список должников и составлялись для памяти — в них не было даже имени завещателя.

К таким документам относим берестяные грамоты: Старая Русса, № 13 (XI в.), № 168 (XII в.), 228 (XII в.), 240 (XII в.),

⁴⁹ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1929, с. 38.

⁵⁰ См., например: АСЭИ, т. I, № 12; т. II, № 62а, 434; АФЭХ, т. II, № 54.

⁵¹ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 369.

⁵² Там же.

410 (XIII в.),⁵³ сохранившиеся в обрывках, но общий смысл которых ясен, а также целую грамоту № 526 (конец XI в.).⁵⁴

Если наше предположение верно, то берестяные духовные в виде списка должников продолжали существовать в среде рядовых горожан и позднее, в XIV—XV вв. Если по пергаменным актам передавалась земля, то берестяные грамоты служили памятью для душеприказчиков при собирании долгов.

Такие списки должников хорошо известны среди берестяных грамот XIV—XV вв., причем, в отличие от документов XII в., в которых находим исключительно денежные суммы, в более поздних грамотах фигурирует также и зерно.⁵⁵

Удостоверительная часть новгородских духовных включает: 1) имя духовника; 2) имена свидетелей; 3) имя лица, писавшего документ; 4) печать наместника новгородского архиепископа.

Первый элемент удостоверительной части выступает в форме: «А на то бог послух и отец мой духовный поп (игумен) такой-то, служитель такой-то церкви (монастыря)». Присутствие при составлении завещаний духовника было обязательным не только в Новгородской земле, но и в других областях Руси,⁵⁶ и, несомненно, способствовало тому, что в большинстве сохранившихся духовных содержится упоминание о вкладе чаще всего в тот монастырь или в ту церковь, что представлял духовник.

Второй элемент удостоверительной части — перечисление свидетелей. Этот элемент отсутствует в духовных, написанных жителями Новгорода и Обонежья, и имеется в некоторых двинских актах (№ 155, 226, 230, 234, 256, 263, 271). Отсутствие свидетелей (кроме духовника) характерно для всех псковских завещаний,⁵⁷ в то время как в духовных Северо-Восточной Руси наряду с духовником всегда перечисляются не менее двух послухов,⁵⁸ как видно, перед нами очередной пример влияния формуляра северо-восточных актов на формуляр двинских.

⁵³ Старая Русса, № 13: «Оу Ньжатыкны 3 кнь, оу... оу Стрелка 2 кнь, оу...» (Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1962—1976 гг.)); № 168: «Оу Дьмитра пълъ 11 гривень. Оу Радька...» (Арциховский А. В., Борковский В. Н. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.), с. 53—55); № 228: «Оу Доброжра полуотуре. Оу Олисея резана. Оу Го...»; № 240: «...у...нега со братьею гр...ницъ 2 гривне. У...ю 3 гривне. У Дразь... у Пьсана гривна. У Ко...» (Там же. (Из раскопок 1956—1957 гг.), с. 51—52, 62).

⁵⁴ № 526: «На Бояне въ Роусе гривна, на Жибуоде в Роусе 13 купе и гривна истине» и т. д.

⁵⁵ № 348 (XIII в.), 320 (XIII—XIV вв.), 179 (XIV в.), 532 (2-я половина XIV в.), 539 (2-я половина XIV в.), 161 (XV в.), 162 (XV в.).

⁵⁶ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 8, 14, 15, 30, 33—35; АСЭИ, т. I, № 11, 108, 251, 253, 294, 457, 499, 562 и др.; т. II, № 87, 168, 361, 474; иногда указываются 2 духовных отца (берестяная грамота № 519—520; АСЭИ, т. I, № 257).

⁵⁷ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты..., № 8, 14, 15, 30, 33—35.

⁵⁸ АСЭИ, т. I, № 11, 38, 108, 228, 253, 257, 394, 450, 456, 457, 499, 562, 612; т. II, № 87, 168, 361, 474.

Упоминания о человеке, писавшем духовную, как и в новгородских купчих, редки: имя писца указано только в трех грамотах (№ 110, 239, 263). Среди писавших грамоты встречаем двух дьяков (№ 110, 263) и духовника (№ 239). Упоминание о человеке, писавшем грамоту, не встречается в псковских духовных, в то время как почти во всех завещаниях Северо-Восточной Руси оно присутствует; причем в одном случае грамоту писал духовник (АСЭИ, т. I, № 472), а в двух — сам завещатель (АСЭИ, т. I, № 38, 456). Вероятно, и многие новгородские духовные написаны самими завещателями.

Для духовных, как и для других новгородских частных актов, было обязательно утверждение (скрепление печатью) наместника новгородского архиепископа. Все подлинны новгородские духовные XIV—XV вв. сохранили свинцовые наместничьи печати (№ 226, 230, 239, 257, 320, 328) или отверстия, через которые в древности печати прикреплялись к пергамену (№ 129, 155, 169, 170, 256, 263). Многие духовные, известные по спискам XVI—XVII вв., содержат описание либо упоминание печати, которой был скреплен подлинник (№ 126, 144, 210, 234, 244, 250; АЕ-57, № 7). Традиция утверждения духовных митрополитом хорошо известна по актам Северо-Восточной Руси.⁵⁹ В Пскове завещания, должным образом оформленные, хранились в государственном архиве, в «ларе», как сказано в ст. 14 Псковской судной грамоты.⁶⁰ Это и понятно, ибо во всех областях Руси духовные признавались важным документом, подтверждающим права владельца на земельную собственность, и многократно фигурировали в качестве такового в судебных решениях.

Заключительная клаузула новгородских духовных представляет собой санкцию-заклятье против возможных нарушений воли завещателя (*sanctio* — по западноевропейской терминологии).

Санкция в новгородских актах конца XIV—XV в. обычно выступает в виде следующей формулы: «А кто сие рукописание (грамоту) переступит, сужуся с ним перед богом (в день страшного суда)» — и встречается в большинстве духовных.⁶¹

Заключительная клаузула является одной из наиболее древних структурных частей формуляра новгородских духовных и данных грамот. Она имеется во всех новгородских актах XII в.,⁶² а также

⁵⁹ АСЭИ, т. I, № 108, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 499, 562, 612; т. II, № 361, 474.

⁶⁰ ПРП, вып. II, с. 288.

⁶¹ ГВНП, № 103, 105, 110, 111, 120, 126, 144, 169, 217, 226, 230, 239, 244, 250, 256, 258, 259, 295, 328; АЕ-57, № 7; АЕ-67, № 3.

⁶² Грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю (1125—1137 гг.): «А кто сие мое слово переставитъ, ино судити ему богъ и святыи мученикъ Георгии въ семь веце и въ будущемъ» (№ 79); «А хто поступитъ, судитися со мною передъ Гергнемъ въ сии векъ и въ будущи» (№ 80). Грамота вел. кн. Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (1130 г.): «Да же кто запертитъ или ту дань и себлюдо, да судити ему богъ в день пришьствия своего и ть святыи Георг-

в духовной Климента (не позднее 1270 г.).⁶³ Если в грамотах XII—XIII вв. санкция имеет различную форму, то в духовных и в данных конца XIV—XV в. мы встречаемся со стабильной (с немногими вариантами) формулой заклатья.

Выработанная к XV в. формула является характерной только для актов, составленных в Новгородской земле. В северо-восточных грамотах санкция-заклатье вообще отсутствует, а во псковских духовных выступает в иной форме.⁶⁴

Отсутствие санкции в части двинских духовных XV в. (№ 155, 170, 240, 234, 257, 263, 265, 271) мы склонны объяснять влиянием формуляра духовных Северо-Восточной Руси.

В заключение несколько замечаний относительно эволюции формуляра новгородских духовных. К сожалению, число сохранившихся духовных XII—XIII вв. очень незначительно — всего 3 и не позволяет реконструировать достаточно подробно формулярные изменения на раннем этапе развития.

Наиболее ранний акт — духовная Антония Римлянина — написан по формуляру, не похожему на формуляры духовных конца XIV—XV в.: отсутствует богословие, начальная статья («Се яз, Антонии, хужши во мнисехъ, изыдохъ на место сее...») содержит в себе прообраз будущей четкой формулы актов XV в. («Се яз, раб божиин какой-то, отходя сего света, списах рукописание при своем животе»). Далее в завещании Антония следует диспозитивная часть, в которой содержатся распоряжения относительно управления монастырем, а также сообщение о покупке Волховского села с жившими в нем холопами (по всей видимости, купчей грамоты на это село у Антония не было: традиции составления купчей на землю скорее всего в те времена еще не существовало). Завершается духовная санкцией-заклатьем, но в форме, которая больше не встречается в актах. Удостоверительная часть вовсе отсутствует.

В духовной Климента (не позднее 1270 г.) находим уже все клаузулы актов конца XIV—XV в., хотя две из них по форме отличаются от соответствующих частей более поздних духовных.

гии» (№ 81). Грамота вел. кн. Изяслава Мстиславича Паптелеймонову монастырю (1146—1156 гг.): «А кто почыпеть вступатися въ тое землю, и въ воду и въ пожьни или князь или боярин или епискуп, или хто иметь силу деяти, и онъ въ второе пришьствие стапеть тягаться со святым Паптелеймономъ» (№ 82). Духовная Антония Римлянина (не позднее 1147 г.): «Аще сию грамоту хто преступитъ, да будетъ проклять трети сты святыхъ отецъ и осмьюнадесятъ и буди ему со Июдою причастье» (№ 103). Данная Варлаама Хутынского (около 1192 г.): «Аще кто дьяволъмъ наученъ и злыми человеки наваженъ цъто хочетъ отъяти, от нивъ ли, от пожьни ли, или от ловищъ, а буди ему противенъ святги Спасъ и въ съ векъ и въ будущи» (№ 104).

⁶³ «А же кто выступитъ на сю грамоту, да не со мною съ однимъ станеть пре богомъ, съ всимъ моимъ племенемъ».

⁶⁴ «А кто слово мое переступит или посудит, суди ему бог и буди ему анафема» (Марасинова Л. И. Новые псковские грамоты..., № 8, 30, 33—35).

Так, во второй клаузуле грамоты Климента отсутствует традиционный для духовных XV в. второй элемент: «...отходя сего света, списах рукописание при своем животе». В конце духовной Климента есть санкция, которая, как мы видели, отличается от заклятий XV в.

Следует отметить, что, на наш взгляд, наличие лишь двух духовных XII—XIII вв., в которых речь идет о земельной собственности, объясняется не только отдаленностью этих времен от наших дней, но и тем, что в XII—XIII вв. написание духовной не было, по-видимому, обязательным и имущество переходило по наследству в результате устного «ряда» или без всякого ряда родственникам, а составление духовных было явлением очень редким, связанным с отсутствием прямых наследников у завещателя (у Климента) или с тем, что он был чужестранцем, не имевшим родственников в Новгороде (Антоний Римлянин).

Только в конце XIV в. написание пергаменных духовных становится обычным явлением и тогда вырабатывается стабильный формуляр духовных, который практически без изменений существует вплоть до присоединения Новгорода к Москве, когда он заменяется московским формуляром.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

О ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦАХ В «ПАМЯТИ, КАК ТОРГОВАЛИ ДОСЕЛЕ НОВГОРОДЦЫ» *

Русь феодального периода, не располагавшая на своей территории месторождениями серебра и золота, неоднократно была вынуждена (когда этого требовало экономическое развитие) прибегать для обеспечения внутреннего денежного обращения к иноземной монете. Для Великого Новгорода и Пскова один из таких периодов зафиксирован в летописях. Это было во втором десятилетии XV в. В 1420 г. Новгород начал уже чеканить собственную монету, а в 1425 г. за ним последовал и Псков. Население обоих городов вело интенсивную торговлю со своими западными соседями — Ливонией и Литвой, поэтому естественно, что оно стало до начала собственной чеканки использовать монеты зарубежных партнеров для удовлетворения своей потребности в мелких платежных единицах в ходе внутренней торговли вместо ставших почему-то уже менее удобными для этого кун безмонетного периода. Летопись (под 1410 г.) сообщает, что новгородцы начали торговать промеж себя «лопъци и гроши литовскими и аргути

* Автор выражает глубокую благодарность М. П. Сотниковой и И. Г. Спасскому за ценные советы и поддержку при работе над данной темой.